

Орден Прихода и Ухода. Зал главы

Чэн Жан мерил шагами зал, заложив руки за спину. Его длинные волосы, заплетенные в несколько мелких косичек, свисали за ушами. Высокий, статный, в облегающем одеянии заклинателя, подчеркивающим литую мускулатуру, он походил на рассерженного льва, обходящего свои владения.

Однако при виде Цзян Ту мрачность на его лице мгновенно рассеялась. Сделав несколько размашистых шагов, он оказался рядом:

— Господин Цзян! Как вам спалось?

Чэн Жан был на полголовы выше Цзян Ту и заметно шире в плечах, поэтому тому приходилось слегка приподнимать подбородок при разговоре. Но от самой фигуры Цзян Ту, даже когда он просто молча стоял, исходило такое властное величие, что любой собеседник невольно чувствовал себя ниже рангом. Казалось, будто именно на Цзян Ту всегда смотрят снизу вверх.

— Вашими молитвами, — тонко усмехнулся Цзян Ту. — А вот вы, глава ордена, судя по всему, провели бурную ночь?

Чэн Жан опешил:

— Как вы узнали?

Цзян Ту лишь молча красноречиво посмотрел на темные круги под его глазами. Впрочем, Чэн Жан тут же сам догадался:

— Ах! С вами ведь был Чэн Се, верно? Вы всё слышали? Так вы пришли из-за этого дела?

— Именно так, — кивнул Цзян Ту. — Прошу простить нас. Вы проявили великодушие, приютив нас, а мы лишь втянули Орден Прихода и Ухода в эти грязные распри.

Эти же слова он уже говорил Чэн Се. Повторяя их сейчас — скорее из вежливости, — Цзян Ту внимательно следил за реакцией Чэн Жана. Тогда Чэн Се разразился праведной и благородной речью, заслужив всеобщее одобрение. Но если Цзян Ту всё понял правильно, весь сокрушительный удар и давление со стороны Ордена Стремительного Ветра должен был принять на себя именно этот простоватый на вид мужчина, законный глава ордена.

Чэн Жан неловко поскреб затылок:

— Господин Цзян, не говорите так! Покойный учитель всегда твердил: наш орден никогда не гнался за славой и богатством. И если я ради милости Высшего царства поступлюсь честью и

предам нуждающихся, то после смерти учитель лично переломает мне ноги прямо перед Владыкой преисподней.

Уголок губ Цзян Ту едва заметно дрогнул. Чэн Жан, понятия не имея, что настоящий Владыка преисподней стоит прямо перед ним, добродушно расхохотался:

— Почему у вас такое лицо, господин Цзян? Не беспокойтесь, я ни за что не дам учителю повода покалечить меня. — Однако веселье тут же угасло, голос его упал: — К тому же... душа учителя давно развеялась. Даже если бы я очень захотел получить от него трепку, его уже нигде не найти.

В глазах Цзян Ту промелькнуло удивление.

Небесный путь беспристрастен ко всему сущему. Пока заклинатель не вознесется и не обретет бессмертие, его, сколь бы могущественным он ни был, рано или поздно настигнет смерть. Души павших практиков отправляются в подземный мир, где посещают Дворец Яньвана наравне с обычными смертными, чтобы затем уйти на перерождение.

Единственное различие состояло в том, что осколки сознания великих мастеров могли на какое-то время задерживаться в мире живых, сохраняя крупницы разума. Но полное уничтожение души и тела — совсем иное дело. При таком исходе и плоть, и сам дух безвозвратно обращаются в прах. От человека не остается ровным счетом ничего.

Вспомнив, что недовольные Чэн Жаном старейшины поговаривали о странных обстоятельствах кончины прежнего главы, Цзян Ту негромко произнес:

— Примите мои соболезнования. — Немного помолчав, он добавил: — Смерть без остатка не так страшна. Пока вы помните его наставления, он продолжает жить в ваших поступках.

Истинная кончина — это не гибель плоти. Лишь забвение стирает человека навсегда.

Когда он произносил это, его обычная холодность словно растаяла, уступая место мимолетному теплу.

Чэн Жан изумленно округлил глаза и, глубоко тронутый, поспешно утер набежавшую слезу:

— Спасибо вам за эти слова, господин Цзян... Вы такой чуткий человек...

Цзян Ту мягко улыбнулся ему в ответ.

В то же мгновение на шею Чэн Жана бесшумно опустился алый цветок туми, въедаясь в кожу кровавым клеймом. Мужчина словно почувствовал легкое прикосновение и потянулся к шее,

но его взгляд тут же помутился, зрачки расширились, и он без чувств рухнул на пол.

Е Хуай потрясенно уставился на своего наставника. Лицо Цзян Ту вновь стало бесстрастным, стирая всякий намек на недавнюю теплую улыбку. Мальчик вдруг понял: вся эта вежливая беседа была лишь искусной уловкой, чтобы усыпить бдительность Чэн Жана и нанести точный удар.

Цзян Ту подтвердил его догадку делом.

Он неторопливо подошел к лежащему мужчине. Его длинные волосы рассыпались по плечам, мгновенно побелев, словно свежий снег, а бледные пальцы потянулись к ножнам на поясе Чэн Жана. Едва он извлек клинок, под телом Чэн Жана хлынул поток багровых цветов туми. Они распускались с бешеной скоростью, напоминая пульсирующие сосуды живого сердца, и быстро поглотили мужчину целиком.

На поверхности осталось лишь его лицо. Веки Чэн Жана судорожно подрагивали — он провалился в глубокий, вязкий кошмар. В ту же секунду очертания просторного зала растаяли, и прямо посреди пустоты проступил темный зев каменной пещеры.

Цзян Ту сжал рукоять массивной сабли, которая в его изящных руках казалась невесомой пушинкой, и уверенно шагнул под мрачные своды грота.

Власть Владыки преисподней распространялась лишь на тех, кто покинул мир живых. Поэтому сейчас они погружались не в разум спящего Чэн Жана, а в воспоминания погибшего главы ордена. Как Цзян Ту и предполагал, на этой сабле, подаренной учителем преемнику, сохранился призрачный след души прежнего хозяина. Пусть этот отпечаток был ничтожно слаб, его вполне хватало, чтобы пробудить предсмертные видения старика.

Стоило отдать должное привычке Чэн Жана никогда не расставаться с оружием. Именно благодаря тому, что он принес саблю в пещеру для медитаций, ускользающее сознание погибающего учителя сумело зацепиться за холодную сталь и обрести временный приют.

Цветы туми устилали их путь живым пунцовым ковром. Е Хуай шел след в след за наставником, испуганно озираясь. Лепестки по сторонам шевелились, словно разумные существа; они ластились к пальцам мальчика, а затем внезапно вспыхивали крошечными искрами огня. От неожиданности Е Хуай едва не подпрыгнул, нахохлившись, как потревоженный зверек.

— Не пугайте его, — негромко, но властно приказал Цзян Ту.

Цветы тут же послушно вытянулись по струнке, но стоило наставнику сделать шаг вперед, как они вновь принялись покачиваться из стороны в сторону, перешептываясь друг с другом.

Любопытство Е Хуая взяло верх. Он весь обратился в слух, пытаясь разобрать эти шорохи, и из-

за этого потерял бдительность. Не заметив, что наставник резко остановился, мальчик с разбегу ткнулся лбом прямо ему в поясницу.

Цзян Ту бросил на него мимолетный взгляд сверху вниз. Мальчик, чувствуя себя пойманным с поличным, уклонился от сурового взгляда и поспешно уставился в глубь пещеры. Но то, что он там увидел, заставило его похолодеть. Сдавленный вскрик испуга едва не сорвался с его губ.

Ледяная ладонь мгновенно зажала ему рот. Холод сковал дыхание, принес с собой тонкий, едва уловимый аромат, исходивший от кожи Цзян Ту. Это было странное благоухание — на миг оно показалось дурманящим, почти знойным, но тут же сменилось ароматом морозного безмолвия и увядания.

Е Хуай невольно сделал глубокий вдох, втягивая этот запах. Цзян Ту почувствовал щекотное прикосновение к ладони, словно его лизнули. Слегка нахмурившись, он прижал руку плотнее, полностью перекрывая горячий воздух.

Они находились в чужом прошлом. Незваные гости в чужом кошмаре должны оставаться невидимыми наблюдателями, иначе иллюзия сотрет их или сведет с ума. Любое неосторожное движение могло разрушить хрупкую связь.

Впрочем, ужас мальчика был вполне оправдан.

Цзян Ту устремил взор вперед.

Исполинская змея тугими кольцами обвивала седовласого старика. По какой-то причине жертва даже не пыталась сопротивляться. Объятия чудовища становились всё более удушающими; вены на теле старого мастера вздулись, а под страшным давлением кровеносные сосуды начали лопаться один за другим, покрывая его кожу узором из багровых потеков, напоминавших клубок мелких змеенышей.

Но куда страшнее было то, что от чешуи гигантского гада клубами поднимался густой черный туман.

Дыхание скверны!

Перед ними был призрачный зверь. Тварь преспокойно проникла в самое сердце Ордена Прихода и Ухода и напала на главу прямо во время уединенной медитации. Немыслимая, чудовищная нелепость.

Цзян Ту издал беззвучный, презрительный смешок.

Заклинатели уединялись для прорыва потому, что переход на новую ступень требовал полной перестройки внутренней энергии. Это походило на превращение куколки в бабочку —

болезненный процесс преодоления прежней сути ради перерождения. И насколько велика была сила после прорыва, настолько же незащищен был практик в момент самого таинства. Потому в орденах создавали особые, тщательно защищенные святилища. Когда на прорыв шел сам глава, меры безопасности должны были превзойти все мыслимые пределы.

Как же вышло, что призрачный зверь беспрепятственно пробрался вглубь горы и никто этого не заметил? Либо Барьер Небесной реки оказался бесполезной игрушкой, либо кое-кто из старейшин ордена намеренно закрыл на это глаза.

В разгаре этих мыслей тело мальчика под его ладонью судорожно дернулось. Цзян Ту опомнился и перевел взгляд на Е Хуая. Тот стоял пунцовый от нехватки воздуха и отчаянно моргал затуманившимися от слез глазами. Осознав оплошность, Цзян Ту неторопливо убрал руку, позволяя ему наконец вдохнуть.

Е Хуай судорожно глотнул ртом воздух. Несмотря на то что его едва не задушили, он, казалось, ничуть не обиделся и послушно скользнул за спину наставника, прячась в его длинной тени. Оттуда он завороченно уставился на жуткую сцену расправы.

Призрачный зверь мог оборвать жизнь старого мастера в одно мгновение. Однако чудовище не торопилось. Оно медленно истязало свою жертву, растягивая мучения. Когда старец от удушья стал синеть, гигантский гад наконец широко разинул усеянную клыками пасть.

Раздался влажный хруст.

Треугольная змеиная голова с силой вонзилась прямо в живот старика, разрывая плоть и уходя всё глубже. Хлынувшая изо рта кровь окрасила седую бороду несчастного в багровый цвет. Старый мастер, лишенный сил, не мог даже содрогнуться, позволяя чудовищу пировать в своем чреве. Хвост твари обвился вокруг его головы, наглухо зажимая рот и не давая издать ни звука. Лишь широко раскрытые, полные муки глаза старика бесцельно созерцали приближающуюся смерть.

Удар пронзил тело насквозь.

Змеиная морда, перепачканная кровью и ошметками плоти, показалась из растерзанного живота. В зубах чудовище держало идеально круглую золотую сферу. Раздался резкий щелчок — клыки сомкнулись, и по золотистой поверхности побежали трещины. В следующее мгновение ядро рассыпалось сияющей пылью, словно разбитый хрусталь.

— Золотое ядро, — едва слышно произнес Цзян Ту.

Судя по угасающему сиянию духовной энергии, мастер находился на начальной или средней стадии третьей ступени.

Поглотив остатки разрушенной сферы, призрачный зверь насытился. В тот же миг гибель столь сильного практика вызвала мощнейший всплеск духовной энергии, от которого стены пещеры содрогнулись. Снаружи донесся полный ужаса крик Чэн Жана:

— Учитель?!

Стоило этому голосу прозвучать, как очертания гигантской змеи мгновенно растаяли в полумраке, словно ее никогда и не было.

В проходе показался Чэн Жан с саблей наперевес. Едва его взгляд упал на окровавленное, бездыханное тело наставника, оружие с металлическим звоном вывалилось из его ослабевших пальцев.

— Учитель! — Чэн Жан безумным вихрем бросился вперед и подхватил обмякшее тело. — Что случилось?! Кто это сделал?! Учитель, очнитесь!

Грозный и сильный воин сейчас выглядел потерянным ребенком. Из его груди вырывался сдавленный плач. Он судорожно пытался направить собственную духовную энергию в тело умирающего, надеясь удержать ускользающую жизнь, но замер, когда его ладонь наткнулась на сквозную рану внизу живота.

— Где... ваше золотое ядро? — прошептал Чэн Жан. Разум его отказывался верить в происходящее. — Кто осквернил вас? Кто посмел?! Учитель...

Его яростный крик оборвался на полуслове — умирающий старик вдруг слабо шевельнул губами. С каждым выдохом на каменный пол брызгала темная кровь. Чэн Жан, содрогаясь всем телом, припал ухом к самым губам наставника, ловя последние крохи звука:

— Ицянъ... отныне... ты глава ордена... Береги... своего младшего брата... Не совершай глупостей... не будь безрассудным...

Чэн Жан оцепенел:

— О чем вы говорите, учитель? Мы же решили, что место главы займет Чэн Се... Учитель? Учитель!..

Но старый мастер ушел навсегда. Лишь безутешный плач Чэн Жана гулким эхом метался под сводами пещеры.

Пространство вокруг внезапно застыло, сковав и слезы Чэн Жана, и его протяжный стон. Е Хуай захлопал ресницами, прогоняя невольные слезы сочувствия, и с недоумением посмотрел на наставника. Зачем тот остановил чужое воспоминание?

А Цзян Ту тем временем неторопливо направился к замершим фигурам. Он совершил нечто совершенно неожиданное: подошел к соломенной циновке, на которой медитировал покойный, и безмятежно опустился на нее, скрестив ноги.

Затем Цзян Ту слегка прищурился. Его холодный, пронзительный взгляд скользнул мимо рыдающего ученика и тела старика, устремившись прямо перед собой.

Е Хуай растерянно приблизился к нему. Наставник теперь сидел, оказавшись на одном уровне с его ростом, и мальчик робко опустился на корточки рядом, пытаясь разглядеть то же, что и он. В следующую секунду у него перехватило дыхание.

В дальнем углу пещеры, за массивным выступом скалы, стоял человек. Его силуэт казался нечетким, размытым, словно подернутым дымкой. Тень укрылась за валуном на редкость удачно: если полностью скрыть свое присутствие, ворвавшийся со стороны входа Чэн Жан ни за что не заметил бы постороннего.

Однако с того места, где сидел старый глава, этот таинственный незнакомец был виден как на ладони — для этого даже не требовалось поднимать головы. Теперь мальчик понял, почему угасающий взор старца при виде вбежавшего ученика был устремлен чуть выше и в сторону. Он смотрел вовсе не на Чэн Жана. Его взгляд был прикован к этому неизвестному!

Этот человек, тайно пробравшийся в святилище, несомненно, и привел за собой скверну, обрекая главу на мучительную смерть.

Но почему? Почему перед кончиной старик ничего не сказал Чэн Жану? И с какой целью этот некто намеренно выдал себя жертве, оставшись безучастно созерцать ее агонию?

От этих вопросов у Е Хуая закружилась голова, а мысли окончательно спутались. Он принялся лихорадочно озираться в поисках иных зацепок, но пещера была пуста. Лишь на подбородке застывшего Чэн Жана дрожала одинокая слеза. Даже плоть старого мастера, лишенная поддержки золотого ядра, уже начала медленно бледнеть и истончаться, растворяясь в воздухе.

При полном уничтожении души не оставалось даже праха.

Мальчику оставалось лишь разглядывать эту застывшую слезу Чэн Жана. Прозрачная, точно чистейший алмаз, она сверкала в полумраке; если бы Цзян Ту не остановил мгновение, по лицу воина уже катились бы новые горькие ручьи. Мужественные черты Чэн Жана исказила гримаса отчаяния — его мир рухнул в одночасье. Он горевал так искренне и глубоко, но его собственные соратники из Ордена Прихода и Ухода за глаза обвиняли его в предательстве и гибели учителя.

Сердце Е Хуая сжалось от жалости, к горлу подступил горький ком.

— Нам пора, — негромко произнес Цзян Ту, отводя взгляд от темного выступа.

Предсмертные воспоминания старого мастера исчерпали себя — дальше была лишь пустота небытия. Увы, мрак пещеры так и не позволил разглядеть лицо убийцы, скрытого в тени.

Посмотрев на расстроенное лицо ученика и его влажные глаза, Цзян Ту невольно почувствовал легкую досаду. С такой ранимой и чувствительной душой... как этот несносный мальчишка собирается постигать Путь Бесстрастия и возноситься на небеса?

<http://bllate.org/book/19047/1960228>